

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза советских писателей СССР ГАЗЕТА

№ 33 (1144).

Суббота, 4 августа 1945 г.

Цена 45 коп.

ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ КЛАССИКИ

I.

В ознаменование сорокалетия со дня смерти А. П. Чехова Совет Народных Комиссаров СССР в решении от 29 апреля 1944 года среди других мероприятий постановил издать полное собрание сочинений великого русского писателя. Ныне над рядом томов заканчивается редакторская работа и некоторые из них сданы в производство. А первая книга уже вышла в свет: изначальный том этот должен привлечь самое пристальное внимание не только и даже не столько сам по себе, сколько как программный показатель монументального чеховского издания в целом.

Издание это, разумеется, не могло не учесть опыта предшествовавших. Среди них (не считая повторных) должны быть выделены два собрания сочинений Чехова. Для первого еще сам автор отобрал незадолго до смерти из всего огромного числа созданных им произведений менее половины, вновь основательно проредактировав текст, и в течение 1899—1901 гг. оно было выпущено издательством А. Маркса в десяти томах (одиннадцатый появился посмертно). К этому изданию десятилетие спустя было присоединено еще столько же томов, составленных из не включенных писателем произведений. Но в дополнительных томах «несобранные» произведения не были представлены исчерпывающе и не отличались ни точностью текста, ни даже правильностью датировки. Дефекты эти были устранены другим из упомянутых собраний сочинений Чехова, выпущенным уже в советскую пору к двадцатипятилетию со дня его смерти в двенадцати объемистых томах (в виде приложения к журналу «Огонек» за 1929 год). Здесь чеховские работы были собраны почти с предельной полнотой, текстологически выверены, сопровождаемы вариантами, предварены статьями о различных сторонах творчества великого писателя, сопровождаемы комментариями. Но, с другой стороны, издание это лишено было высокого преимущества предыдущего, нарушив воплощенную там «волю писателя». Ибо предпочтительнее самим Чеховым произведения уже никак не были выделены, а даны вперемежку с «несобранными» — в чисто хронологической последовательности.

Что же нового сулит осуществляемое теперь чеховское собрание сочинений по сравнению с прежними?

II.

Оно выпускается в пятидесятитысячном тираже. Стало быть, издание это не может обратиться в узко «академическое». Но строиться оно должно, разумеется, на

Проф. С. БРЕЙТБУРГ

строгой научной основе. Уровень же соответствия последней определяется тремя основными признаками.

Прежде всего, — по так называемой «кодификации» собрания сочинений, т. е., с одной стороны, по степени полноты состава охваченных им произведений, а с другой — по целесообразности системы их расположения. В первом отношении данное издание обещает быть самым полным сводом литературного наследия Чехова, в той мере, разумеется, в какой оно выявлено исследователями по сие время (ибо не исключена ведь возможность новых случайных «находок» и впредь). Все сохранившееся из когда-либо написанного Чеховым — от первого юмористического рассказа (более того, даже начиная со школьного «упражнения») и до предсмертного письма, — буквально все это найдет место в намеченных двадцати томах, притом как опубликованное автором, так и незавершенное и оставшееся лишь в его архиве. Правда, каких-либо неизвестных доселе произведений, рукописных или анонимных, специально для настоящего издания не найдено. Вместе с тем, несомненным своеобразием текстового фонда нового издания явится включение в него переписки Чехова. Впрочем, и в этом направлении немало было сделано ранее, — достаточно упомянуть об известном шеститомном издании его писем. Но они никогда доселе не вводились в собрание его сочинений; сверх того, благодаря большому числу вновь публикуемых здесь, а также «несобранных» писем, количество томов их возрастет чуть ли не в полтора раза.

Однако, с другой стороны, в деле систематизации всех этих чеховских текстов здесь царит крайняя неустойчивость. Новое издание устанавливает в пределах каждого тома три отдела: а) сочинения, санкционированные самим Чеховым; б) произведения, не включенные им в собрание сочинений, и в) работы, оставшиеся в рукописях. И, как гласит программное предисловие, «такое распределение сочинений в томе ставит своей целью сохранить в первом отделе авторский отбор», а «сочетание в томе всех трех разделов дает представление о полном объеме творческой работы писателя в определенный период времени» (стр. 6).

На деле же наглядность эта не достигается ни в том, ни в другом отношении, как показывает первый же вышедший том. В нем не три раздела, а пять. Сверх названных выше в особую, четвертую рубрику

выделены «Фельетоны». К какому же ряду отнести их — к отобранным самим Чеховым произведениям или, наоборот, к отклоненным им?.. — вправе спросить рядовой читатель. И недоуменный вопрос этот будет тем правдомернее, что один из типичнейших фельетонов «Встреча весны» почему-то изъят из этого специального отдела и перенесен во второй раздел «не включенных» рассказов... Цельности впечатления еще более препятствует пятый раздел — «Приложения». Из трех помещенных в нем текстов два относятся еще к гимназической поре Чехова: один представляет собой его «классное сочинение»; другой — «домашнее сочинение», заданное сестре будущего писателя, но написанное за нее Чеховым; притом оно приведено здесь не самостоятельно, а в контексте воспоминаний М. П. Чеховой, которые должны были найти место, разумеется, лишь в комментариях. И, наконец, в этом же отделе воспроизведена одна из коллективных юморесок «Комары и мухи», в которой двенадцать строк (по сохранившемуся неопровержимому свидетельству) принадлежат Чехову, хотя их и трудно дифференцировать. Не говоря уже о том, что указанным детским упражнением едва ли не более уместно было бы находиться на страницах биографии Чехова, нежели в собрании его сочинений, они к тому же искусственно отделены друг от друга хронологически; юмористический фрагмент Чехова, относящийся уже к 1880 году, вклинен между ними...

Из-за неудачной группировки текстов столь же тщетным оказалось и намерение воссоздать полную картину работы Чехова за определенный период времени. Так, пограничные даты рассматриваемого тома — 1880—1883 гг., этим, видимо, преследовалась цель представить самый ранний период творчества Чехова: с изначального момента его литературной деятельности по год, к которому относится первый отобранный им для собрания сочинений рассказ «Кривое зеркало». Однако это одна лишь видимость. Ибо из двадцати новелл первой рубрики здесь приведено лишь немногим более половины, и за пределами остался столь значительный рассказ, как «Толстый и тонкий». Еще меньше наглядности во втором отделе: сюда не только не введены два «несобранных» рассказа, предшествовавшие «Кривому зеркалу», но не закончен даже 1882 год, хотя для того и другого понадобилось бы включить менее десятка текстов. И тогда поразительная требовательность к себе Чехова, действительно, предстала бы во всей очевидности: только пятидесятым из ранних своих художественных произведений он счел достойным открыть собрание сочинений.

Эти недостатки первой книги и произошли преимущественно именно вследствие невыдержанности общей систематики издания, что может стать чреватым и для последующих томов, если не перестроить ее на ходу. К тому же соблюдение внешне-хронологической последовательности в печатании произведений, вне учета их жанровых особенностей, угрожает повторением злополучного «опыта» лемковского собрания сочинений Герцена, где между крупными публицистическими трудами великого демократа вдруг вставлялось близкое лишь по дате частное его письмо, а художественные его повести перемежались официальной запиской. Правда, новое чеховское издание пытается наметить и внутренние, жанровые грани, но делает это непоследовательно: основное деление — на «сочинения» и «письма»; но тут же из числа первых почему-то «пьесы выделены особо», а записные книжки и дневники, наоборот, «к ним примыкают» (стр. 6); в первом же томе, как указывалось, выделен и самостоятельный отдел фельетонов... Между тем, едва ли, думается, необходимо сколько-нибудь пространно аргументировать, что и логичнее и практически рациональнее было бы расчленив собрание сочинений Чехова на следующие три цикла: художественные произведения (рассказы, повести, драмы); публицистические работы (фельетоны, статьи, а также такие труды научного характера, как «Сахалин» и незаконченное «Врачебное дело в России») и аутентичные материалы (письма, дневники, записные книжки). И уж внутри каждого из них установить авторский отбор и хронологическую преемственность.

III.

Второй из признаков научно поставленного издания классика — «каноничность» его текстов, т. е. предельная выверенность их, устанавливаемая путем сложной филологической критики. И существеннейшей этой стороне, как можно предполагать на основании редакционного введения, новое собрание сочинений Чехова стремится придать все присущее ей значение. Для всех его сочинений вновь производится сличение текстов по первоначальным публикациям и всем авторизованным переизданиям, с восхождением к рукописям; по возможности восстанавливаются купюры и прочие искажения цензурного порядка, а также устраняются произвольные редакторские наслоения; выявляются варианты.

Но и тут некоторые моменты из текстологической практики первого же тома застаивают несколько насторожиться. Например, в отношении анонимных чеховских строк в контексте «Комаров и мух» (упоминавшемся уже в иной связи выше) редактор не только не предпринял обычного при установлении авторства кропотливого

анализа, но совершенно отказался даже от гипотетических высказываний. «Какие это строки — установить не представляется возможным», — просто отделяется он (стр. 575). Между тем, можно с большой степенью вероятности предположить, что Чехову принадлежат здесь, во всяком случае, отрывки с четвертого по седьмой — о «верхе остроумия», «верхе наивности», «верхе влюбчивости» и «верхе веселости», если вспомнить (не говоря уже о стилистическом сродстве), что эта же тема несколько позднее была развита им в самостоятельное произведение, так и озаглавленное «Обер-верхи». Еще большие опасения способна внушить ошибка в воспроизведении рукописи первого же рассказа, в комментариях к коему процитировано по автографу одно из опущенных затем мест: «Между портретами и над ними висели ружья, карабины, охотничьи сумки, медные трубы — и все это покрылось пылью и плесенью» (стр. 521). Но в приложенном facsimile того же листа рукописи подчеркнутое слово на самом деле читается — «покрыто» (ср. вкладку между стр. 64—65)...

В новом чеховском издании, наконец, нашел применение и третий неотъемлемый элемент научно препарированного собрания сочинений — вспомогательный аппарат: текстологические варианты, разнообразные комментарии, указатели и т. п. В противовес обычно гипертрофируемому его размерам здесь вполне соблюдено «чувство меры»: на полтысячи с лишком страниц чеховского текста в первом томе этим пояснительным материалам уделено едва ли и подсотни страниц. Но их содержание как со стороны общих приемов, так и в отношении ряда конкретных вопросов отнюдь не всегда бесспорно.

Критические замечания приходится начинать с главного тут вопроса — о методе подведения текстовых вариантов. Он не только не един для всех томов, а, напротив, — как предупреждает предисловие, — «редакция предпочла разнообразить форму подачи вариантов» (стр. 7). И с этим можно было бы согласиться, поскольку данное издание, как указывалось, рассчитано не на специалистов-литературоведов, а на широкие круги читателей. При таких обстоятельствах, правда, необходимо было бы соблюсти неременное условие: примеры разночтений должны быть не случайны, а наиболее типичны. И к некоторым текстам первого тома варианты отобраны довольно тщательно: удачны, например, образцы разночтений, убедительно иллюстрирующие устранение Чеховым внешне фантастических аксессуаров при переработке первого рассказа, поднявшее «реалистическое течение» его сюжета (стр. 522 и 523). Точно так же показательны примеры позднейшего авторского «очищения речи» персонажей рассказа «В циркульне» от шаблонных диалектизмов (стр. 526). Совершенно уместно

и приведенное по журнальной версии большое вступление к рассказу «Перед свадьбой», опущенное Чеховым в дефинитивном тексте. Но почти во всех остальных случаях приводятся едва ли не первые попавшиеся варианты, а их истолкование ограничивается чуть ли не стереотипными формулами — об «исключениях» или «вставках новых слов и фраз», «замене слов и оборотов» и т. п.

Что же касается собственно комментариев, то многие из них были составлены уже для «когоньковского» собрания сочинений Чехова и в новом издании только перефразируются. Но, с одной стороны, здесь вообще дешифровано гораздо большее количество названий, имен, намеков, а с другой, исправлены прошлые неточности. Наряду с этим, однако, в комментариях и нынешнего издания, в свою очередь, обнаруживаются непростительные ошибки. Достаточно указать на следующую: оставшийся в рукописи небольшой чеховский фрагмент под заглавием «Роман» выдается здесь за якобы неизданный: «Нами печатается этот текст впервые», — сообщается на стр. 573. Между тем, он целиком был опубликован уже много лет тому назад: см. книгу — «Рукописи А. П. Чехова. Описание» (М. Соцэкзиз, 1938, стр. 22). Досада и ряд небрежностей, допущенных в комментариях. Так, при некоторых именах даты вовсе не представлены, при иных же, наоборот, удвоены: например, «Никита Иванович Крылов (1807—1879). Один из популярнейших профессоров Московского университета, умерший в 1879 г.» (стр. 556). Или, что могут дать такие синонимические «пояснения», как «Агафья Федосеевна, Кифа Мокневич — типы и персонажи Гоголя» (там же)?...

Подводя итог, хочется разделить выражаемую в программном предисловии надежду, что, когда это исчерпывающее по текстам издание Чехова будет завершено, перед советскими читателями впервые «предстанет в полном объеме и во весь рост творчество великого писателя» (стр. 8).

Но для действительного достижения этого весьма существенно, чтобы применяемые здесь научно-эдационные приемы стояли на подобающем уровне. Это тем более важно, что нынешнее чеховское собрание сочинений может стать поучительным опытом для аналогичных изданий других классиков литературы — и особенно для будущего полного собрания сочинений Максима Горького, где проблемы «авторской воли», жанровых разновидностей, текстологии и пр. еще более обширны и остры.